

Евгений Жиляев

Нить Лекаря

18+

Евгений Жиляев

Нить Лекаря

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жиляев Е. А.

Нить Лекаря / Е. А. Жиляев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга повествует о жизненном пути врача, русского немца, родившегося в 19 веке в дворянской семье, прошедшего революцию, становление новой страны, великую отечественную войну. Какие бы ни были обстоятельства этот человек неизменно остается верным своему долгу, призванию, нравственному выбору - помогать людям. В испытаниях крепнет дух, и помогает в этом вера.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Часть 1

60-е годы... Страна жила в атмосфере «оттепели», надеждами на обновление социализма, стремлениями к творческой свободе, полёте мысли за границы привычного круга стереотипов и старых идей. Меня тоже без исключения затащила волна народного воодушевления и потом «выбросила» на берег, где возвышалось высокое здание всесоюзной газеты. Я вошёл в стеклянную дверь и стал журналистом.

Без преувеличения могу сказать, это было моим призванием. Мне нравилось писать о людях, значимых событиях, открытиях. Мы жили в самой большой стране мира, и каждый её гражданин с одного конца света должен непременно знать, что же происходит на другой стороне нашей необъятной Родины, чтобы гордиться ею и славить её своими трудовыми свершениями.

Освещением «эпохи» я занимался с энтузиазмом, свойственным молодости. Моя жизнь была наполнена до краёв яркими событиями, запоминающимися встречами с неординарными личностями. Вот одно такое знакомство стоит у меня особняком, лежит в моей памяти, так сказать, «на отдельной полочке». Профессор Шульц стал тем знаковым человеком, свидание с которым меняет судьбу. Незаметно и не сразу, однако, бесповоротно.

Наша дружба завязалась летом 65-го. Потом уже, спустя время, я понял, что все обороты дня, предшествующие нашему с ним первому общению, несли новую свежую струю в мою жизнь. И каждое действие каким бы незначительным на первый взгляд не представлялось обрело для меня глубокий смысл. А всё началось тогда так...

В кабинет вбежал Стэнтон, как называли мы нашего друга Сергея Стенова. Это был журналист – международник, весёлый, неунывающий малый, душа любой компании, любитель и ценитель женщин, но исключительно с эстетической точки зрения.

– Миша, – позвал он меня прямо с порога, открывая дверь, запыхавшийся от быстрой ходьбы, возбуждённый, с горящими глазами, – ты знаешь, кто поднимается к нам на лифте?

– Неужто сам Папа Римский к нам пожаловал? – пошутил я, не разделяя его бурного восторга.

– Бери выше! – Сергей подбежал к графину с водой, налил себе полный стакан и выпил залпом.

– Да куда уж выше?!

– Сама Елена Сомова у нас! – и посмотрел на меня, ожидая реакции с моей стороны.

Больше говорить ничего не надо! Сомова! Звезда кино! Несравненная Елена Макаровна Сомова! Последний фильм с её участием «Возвращение» имел просто оглушительный успех не только в нашей стране, но и за рубежом. Западные журналы и газеты пестрели её фотографиями, за ней буквально охотились, чтобы взять эксклюзивное интервью. Она покорила весь мир своей искренностью, красотой и умением воплощать любые образы. Репертуар сыгранных ею ролей в театре и кино порой полярно противоположных был впечатляющим.

А тут неуловимая актриса собственной персоной в нашей газете. Я подскочил точно ошпаренный.

– Скорей – поторопил меня Стэнтон, довольный моим откликом на его слова. Хотя это было лишним. словно мальчишки мы выбежали в коридор... и вовремя. Прямо навстречу нам шла она... Бесподобная! Её улыбка очаровывала и пленяла сразу. Все стояли и блаженно смотрели на Сомову, идущую неторопливо, раскованно и одновременно сдержанно, целомудренно. Эффект от её внезапного появления произвёл целый фурор, парализовав всю работу редакции. Никто не хотел пропускать встречу с Сомовой.

Она прошла мимо вся открытая, лёгкая, непередаваемо родная, «своя», одарившая всех теплом своих удивительно глубоких глаз, заряжая вокруг каким-то новым искрящимся настроением, вдохновением.

Актриса прошла вместе с Грудовым в его кабинет и скрылась в нём.

Спустя пару часов я в компании своих друзей в «нашей курительной» обсуждали сегодняшнее явление.

– Ну, Грудов – счастливчик! Ничего не скажешь – завистливо начал Стэнтон – Такая женщина!

– Главный явно ошибся – лукаво глядя на Сергея заговорил Петро, – у такой женщины интервью должен брать только Стенов!

Все рассмеялись.

– Эх, мальчишки – парировал Стенов, – Что вы понимаете в женской природе?

– Да куда уж нам, деревенщинам неотёсанным – вставил я.

– Вот именно! Женщину боготворить надо! А Грудов – он же хоть и с хорошими манерами и собой недурён, для неё явно мелковат. Понимаете?

– Сложные вещи вы говорите, профессор – вставил своё слово и Сашка Чёрный.

– Мальчишки! – повторил Стэнтон, осмотрел нас и засмеялся.

Нашу живую беседу прервал Хлопов. Вот уж действительно человек точно соответствовал своей фамилии. Вечно он всё «схлопывал»: то, когда веселье в самом разгаре, то, как сейчас. Хоть и коллега он был хороший, надёжный. Но видно на роду у него так написано предупреждения приносить. Никто на него за это зла, конечно, не держал, однако «праздник» после его появления приходилось часто сворачивать.

– Главный идёт – предупредил он всех нас и скрылся.

– Вот так всегда, накрылась лекция – «взгрустнул» Петро.

– Не будем унывать, господа, что наш ликбез сорвался – подбодрил я своих «приунывших» друзей.

– Ничего, я продолжу – пообещал Стэнтон.

– Обязательно, профессор. Будьте столь любезны. Мы с нетерпением ждём заполнения наших пробелов вашими глубокими познаниями в женском вопросе – закончил Сашка Чёрный.

– По местам – скомандовал Стенов и вышел первым.

Мы разошлись по своим кабинетам. Вскоре меня вызвали к главному редактору, который дал мне задание взять интервью у известного врача-хирурга Шульца Фридриха Карловича. Я вернулся на рабочее место и принялся наводить о нём справки.

После работы мы с друзьями условились встретиться в кафе, чтобы провести весело время и отдохнуть от напряжённого трудового дня.

Уже сидя за столиком, продолжили нашу внезапно прерванную беседу.

– Кстати, зачем тебя шеф к себе вызывал? – поинтересовался у меня Стэнтон.

– Предложил взять интервью у некоего Шульца, врача. Кстати, Петро, ты про всех знаешь, не подскажешь что за личность этот эскулап? А то кроме его наград и регалий у меня ничего нет.

– Шульц – задумался Петро, – знаю-знаю такого. Вообще, скажу я вам всем, личность он интересная. Я бы даже сказал таинственная в каком-то роде.

– Меня лично ты заинтриговал – Сашка сел поудобнее, – люблю такие истории. В жизни должна быть мистика, иначе скукота.

– Мои сведения о нём скудны. Говорят, с того света почти вытаскивает.

– На то он и хирург, а соль-то в чём? – Сашка ждал продолжения.

– Один мой знакомый лежал в палате с несколькими пациентами Шульца – начал свой рассказ Петро, – и те поведали ему о необычном докторе. Мало того, что руки у него золотые,

так он ещё судьбу человека разгадывает. И никогда не ошибается. К нему очередь на годы вперёд была. При этом он сам лично определял очерёдность операций. Сейчас, правда, Шульц от дел отошел или почти отошёл. Поскольку изредка особо сложные операции по-прежнему делает. На этом всё.

– Спасибо, Петро – поблагодарил я друга.

– Ну хватит о делах, в самом деле! – «взмолился» Стэнтон.

– Ах, да, господа, нам обещано продолжение лекции. Мы все во внимании... – вернулись мы снова к прерванной теме...

Мы весело провели тогда время. Но Шульц почему-то не выходил у меня из головы. Я ещё и предположить тогда не мог, что он связан с Сомовой, встреча с которой у меня состоится в своё время.

На следующий день я продолжил собирать сведения о Шульце, видном учёном. После недавней смерти своей жены он уединился у себя на даче в Подмосковье и проживал теперь там круглый год. В телефонном справочнике нашёл его номер телефона и позвонил ему. Я почему-то не надеялся на удачу с первого раза, но какого же было моё удивление, когда на противоположном конце после серии длинных гудков неожиданно подняли трубку и приятный мужской голос представился Шульцем. Меня точно врасплох застали. Быстро справившись с секундным замешательством, я объяснил цель своего звонка и попросил о встрече с ним. Доктор любезно согласился принять меня сегодня после обеда, в 16-00 он будет ждать «моего визита» на своей даче. Я согласовал свою поездку с шефом, получил от него «добро» и довольный складывающимися обстоятельствами продолжил работать дальше. А затем в какой-то момент обычное течение трудовой вахты пошло наперекос: дела разладились как-то сами собой, всё валилось из рук; и потому настроение испортилось, стало прескверным, что бывало со мной крайне редко. Вёл себя так, точно опаздываю куда-то, раздражался по мелочам, толком никак не получалось сосредоточиться на своих обязанностях. В довершении ко всему появилось стойкое ощущение ненужности вещей, которые делал. В итоге, сорвался на коллеге, хорошем человеке. От свидетелей нелюбезной сцены, стоящих неподалёку товарищей, услышал в свой адрес: «Вот же фигура! Зазнался, наверно». Крайне неприятно за себя: обидел и даже не извинился, пошёл грудь колесом. Потом уехал «на задание», равно сбежал. Благо дали редакционную машину, белую новенькую «Волгу». Такая исключительная роскошь полагалась только по особым случаям. Это меня очень обрадовало и несколько вернуло расположение духа. Да и сама поездка обещала быть приятной.

В пути я не перекинулся и парой фраз с шофёром. Надо сказать, «разговорчивым» он не был, а попросту молчал всю дорогу, сопел и крутил свою «баранку», немного шурясь по привычке на дорогу. Я закрыл глаза и представил, будто машина сама везёт пассажира на заднем сидении, то есть меня. Если бы не массивная, широкоплечая фигура впереди, то иллюзия одиночества была бы совсем полной.

Я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, расслабил галстук и устроился поудобнее на мягком диване «Волги». Подумал, что всё начинает складываться как нельзя лучше. Замелькали за окном автомобиля деревья стеной, Москва осталась позади. Неожиданно для себя я стал весел и бодр.

Оставалось только приехать к назначенному часу. Пунктуальность в нашем деле крайне важна. Но здесь мне сопутствовала удача. Доставить меня к профессору поручили Аверьяну Николаевичу Бойко, «Николаичу», как «за глаза» называли его у нас в редакции. Все относились к нему с большим уважением за удивительную редкую способность никогда и никуда не опаздывать. За свой талант Николаича принято было одаривать дефицитным товаром, какой удавалось достать. Брал он презенты за свои услуги всегда с достоинством, довольный, лукаво улыбаясь себе в усы, смотря прямо в глаза очередному дарителю.

Прославился Аверьян Николаевич ещё во время войны, когда возил одного генерала, старенького уже, дряхлого, но «весьма ценного» за опыт и глубокие познания в шифровальном деле. Наш молчун так окружил заботой своего «подшефного», что тот чувствовал себя с ним как за каменной стеной. Через всю войну они до полной победы бок о бок и докатались, скача на офицерском додже по ухабам и рытвинам фронтовых дорог. Не раз в засады попадали, но в живых остались оба. После войны генерал ни в какую не хотел расставаться со своим ангелом-хранителем. В итоге он, благодаря дружбе с одним фронтовым корреспондентом, сосватал его в московскую всесоюзную газету. Передал «из рук в руки» и только тогда успокоился. Но на этом их армейская дружба не закончилась, а получила неожиданное продолжение. Самые близкие заслуженного ветерана с благодарностью встретили Аверьяна Николаевича, а узнав поближе, искренне полюбили и приняли в свою семью. С присущей же ему тягой к заботе о людях Аверьян Николаевич, оставшийся один после гибели во время бомбёжки жены и детей, принялся бескорыстно опекать новое семейство. Ни один бытовой и хозяйственный вопрос не обходился без его мудрого участия.

Вот такой человек вёз меня навстречу переменам, в машине которого действительно царил какая-то особая атмосфера спокойствия, уюта и защищённости. Через два с половиной часа показалась конечная цель нашего путешествия.

Дача профессора располагалась в живописнейшем подмосковном уголке. Я подумал, что именно в таком райском месте и должен жить заслуженный человек, предаваясь старым воспоминаниям и делаясь опытом с молодым поколением. Наша машина остановилась возле калитки с нужным нам номером. Я вылез из «Волги», размялся и огляделся. С того места, где мы остановились, открывался впечатляющий вид. Усадьба Шульца располагалась на возвышенности, а внизу простирался обширный луг, разделённый широкой лентой реки, искрящейся на солнце. По берегам росли высокие деревья, среди которых выделялись своей красотой ракиты. Я невольно залюбовался живописной картиной, манящей некой первозданностью, пространством, залитым светом. Поглощённый созерцанием окрестности, всё же услышал шаги, направляющиеся в нашу сторону. Обернувшись, увидел невысокого пожилого мужчину в очках, с аккуратно подстриженной бородкой и в летнем белом костюме. Профессор сердечно поприветствовал нас, его глаза, с озорными искорками в глубине, лучились добротой и мягкостью. Они выдавали в нём недюжинный ум и тонкий юмор. С первого взгляда он располагал к себе своей внимательностью и обходительными манерами.

– Очень рад вашему приезду, Михаил Александрович, проходите. Надеюсь, поездка не утомила?

– Наоборот, Фридрих Карлович, доставила большое удовольствие.

– Именно так и должно быть, любое перемещение в вашем возрасте есть развлечение. А смена впечатлений всегда идёт на пользу, в разумных пределах, конечно.

Потом обратился к Николаичу: «А вас, простите, как величать? Милости просим с нами», пригласил профессор, когда увидел, что мой шофёр не собирается идти в дом.

– Аверьяна Николаевича напрасно упрашивать, Фридрих Карлович, – ответил я за своего водителя, – он предпочитает, видите ли, по возможности оставаться наедине с собой. Тем более здесь есть река. Аверьян Николаевич заядлый рыбак, у него и удочки уже припасены. Так что, каждому своё.

– Понятно. Знаете, вы правы, в ней ещё водится рыба. Мой сосед по утрам всегда возвращается с уловом.

Мы с доктором смотрели, как деловито Николаич доставал снасти, неспеша, с достоинством. Ни дать, ни взять, настоящий русский мужик-хозяйственник, на которых не только во войну, но и сейчас многое держалось. На их спокойствии, выдержке, надёжности. За ними, действительно, как за каменной стеной. Понятно теперь, почему генерал так за него держался. Такой помощник всем нужен. Я обратил внимание, что и Фридрих Карлович с интересом

наблюдает за шофёром и немного улыбается. Вообще, возле доктора мне было очень хорошо, никакого напряжения от первой встречи, мандража перед авторитетом, какой случается, когда берёшь интервью у известного влиятельного человека. От него исходили простота, уважение, сердечность. В общем, я совсем быстро освоился рядом с профессором.

– Хорошо, Михаил Александрович, тогда пойдёмте вдвоём – предложил врач, и мы двинулись по направлению к дому. Николаич же продолжал методично собираться возле машины.

– Не могу не отметить вашу пунктуальность! – продолжил беседу доктор, – мне всегда импонировали люди, способные чётко рассчитывать время, в этом есть что-то мистическое. Помните графа Монте Кристо, вот он мог.

– Фридрих Карлович, сознаюсь вам как на духу, моей заслуги в этом нет никакой. Большое спасибо надо сказать Аверьяну Николаевичу. Граф Монте Кристо из меня не выйдет.

– Честность – отменное качество!

– И с этим грешу...

– Вы, Михаил Александрович скептически относитесь к себе – профессор лукаво на меня посмотрел.

– Перед врачом как перед священником!

Фридрих Карлович засмеялся.

– Очень хорошо, батенька! Так держать!

– Есть, так держать!

Хозяин радушно открыл передо мной дверь и пригласил войти.

Внутри дома было очень уютно. Везде порядок, чистота, без излишеств.

– Не жалею роскошь, она балует и расслабляет – словно читая мои мысли, сказал профессор, – ведь человеку на самом деле не нужно много. Чрезмерное богатство только тешит самолюбие и вызывает зависть. Оно душу губит.

– Не все придерживаются вашей точки зрения, Фридрих Карлович. Скорее, наоборот, предпочитают показать свой статус через вещи.

– Статус чем-то схож с кастовостью, не находите Михаил Александрович?

– Да, пожалуй – немного подумав, ответил я.

– У человечества ещё достаточно заблуждений. Но об этом хватит, сначала обед, а разговоры потом. Не возражаете?

– Нисколько!

– Тогда, прошу...

Мы прошли в просторную столовую, где нас ждал накрытый стол. Признаться, я довольно проголодался, потому так бодро принял предложение.

– У вас прекрасный аппетит, молодой человек – улыбаясь, отметил доктор, видя, как я поглощаю еду. Сам же он ел не очень много.

– Так ведь вкусно!

– Полностью с вами соглашусь. В последнее время у меня появилось хобби. Кулинарию, так сказать, потихоньку. Но мои способности ни в какое сравнение не идут с талантом Глафиры Андреевны. Всё, что вы вкушаете, её золотых рук дело. Сейчас она отсутствует, уехала в город к детям. К вечеру, может, вернётся. Если вы не уедите, я вас обязательно с ней познакомлю. Удивительной душевности человек. После ухода Юли, моей жены, она с мужем взяла меня «на поруки» – Шульц рассмеялся, – Мы давно дружим семьями. Глафира Андреевна тоже врач на пенсии, хотя продолжает трудиться в одной из московских поликлиник. Она находит время меня навещать, помогает чем может. Особенно в научной деятельности её помощь мне просто неоценима.

– Я думал, вы уже отошли от дел.

– Не совсем, продолжаю заниматься исследованиями, передаю опыт. Чем же нам старикам ещё заниматься в таком райском месте! – и Фридрих Карлович лукаво взглянул на меня.

Я чуть не подавился. И уставился на него. Видимо, вид мой был смешной, и профессора это ещё больше позабавило.

– Извините, Михаил Александрович, но у вас всё написано на лице.

– Вы читаете по лицам?

Наш разговор уже проходил «под чай».

– Да, немного. Вот, пожалуйста. День был у вас тяжёлый, напряжённый. Не всегда вам удавалось держать свои эмоции под контролем. Отсюда возникли некоторые недоразумения, разрешать которые вы сегодня оказались не в состоянии. Не так ли?

– Да, – удивился я. Неожиданный поворот. Фридрих Карлович говорил так, словно мой день стоял у него перед глазами, и он разглядывал меня в нём точно пациента на операционном столе. Но дискомфорта я не ощущал, скорее каким-то внутренним чутьём ждал как больной соответствующей помощи.

– Я, Михаил Александрович, не имел в мыслях вас оскорбить. Пожалуйста, поверьте. Просто мне бы хотелось кое-что прояснить для вас. Не возражаете? – мягко проговорил профессор.

– Нет, ни в коем случае! Даже наоборот, хотел попросить у вас разъяснений на мой счёт – я был крайне заинтригован словами Шульца, а потому с нетерпением и некой настороженностью ждал продолжения. Всё, что мне удалось узнать о нём перед нашей встречей, была необычность и загадочность этой личности помимо его высоких профессиональных качеств.

– Видите ли, ничего нельзя скрыть. Как бы человек не хотел, следы его поступков никуда не исчезают. Важно, под каким углом зрения на всё смотреть. Вот, например, за вами тоже тянется длинный шлейф – и Фридрих Карлович одновременно взглянул на меня и за мою спину.

Я непроизвольно оглянулся назад, пытаясь увидеть то, на что указывал профессор, но ничего, конечно, не увидел. Однако, ощущение было такое, словно «хвост» у меня действительно существовал и по нему этот необычный врач прочитал всё его интересующее. Я же оставался в некоем недоумении и, чтобы развеять своё смятённое состояние, украдкой ещё раз незаметно кинул взгляд назад. Фридрих Карлович засмеялся. Мне сразу полегчало и что-то отпустило. Было в смехе доктора нечто успокаивающее и вызывающее полное доверие. Я расслабился.

– Вот и замечательно – отметил смену в моём настроении Фридрих Карлович, – вы, молодые, можете свернуть горы, но для этого нужны силы. Не стоит их растрчивать на мелкие чувства в виде раздражения, огорчения. Стремитесь вперёд, воплощайте идеи и мечты. А то выходит следующее: вы, Михаил Александрович, взяли и оскорбили незаслуженно человека. Он расстроился, вы расстроились. Никому из вас от этого не стало лучше. А наоборот, вы терзаетесь, ваш коллега затаил обиду. В итоге, дело страдает! Нужно устранить, так сказать, затор и поток доброжелательства снова потечёт спокойно. Все будут довольны. Не согласны со мной?

– Согласен, Фридрих Карлович.

– Согласиться мало, нужно непременно действие. Иначе, ваши угрызения совести и обида пустят в вас обоих глубокие корни, а вы и не заметите этого. Отсюда, молодой человек, и появляются болезни. Старые хорошие лекари знали эту простую истину. Поэтому они, прежде всего, до лечения расспрашивали больного на предмет совести. Так что, как врач, советую вам для профилактики болезней побережь нервы и исправь ту ситуацию, которую вы создали сами. Идите на мировую с вашим товарищем. Надеюсь, не утомил вас своей проповедью? – закончил свою речь Фридрих Карлович.

– Нет, наоборот. Если честно, я был полностью заинтригован вами. Возразить мне вам нечем. Вы совершенно правы. Хотя, для меня непостижимо как вы это делаете.

– Что именно, позвольте уточнить?

– Как вы видите поступки людей.

– Я старый добрый лекарь! – и Фридрих Карлович лукаво подмигнул.

– Я бы хотел стать вашим пациентом.

– Не стоит! Лучше быть здоровым и тратить силы, энергию не на лечение заболеваний, а на поистине стоящее дело. Чего вам от всего сердца и желаю!

– Благодарю вас.

– Принимаю! Кстати, Михаил Александрович, вы почему опять так напряглись? Расслабьтесь! – Фридрих Карлович снова оказался совершенно прав. Я, действительно, весь «подобрался». В моей голове стали формулироваться в неприличном количестве личные вопросы, ответы на которые хотел получить от профессора. Мне показалось, что он знает нечто важное для меня, но пока не говорит. Я же, в свою очередь, сдерживался, чтобы не показаться бестактным. – Расслабьтесь! – повторил свой совет доктор. – Эдак мы с вами и до кульминации нашего разговора не дойдём.

Мы непринуждённо рассмеялись.

– А кульминация будет? – спросил я.

– Непременно, вы же за этим приехали. Итак, задавайте ваши вопросы. – Я уже приготовился «сыпануть», как последовало неожиданное. – Хотя, если не возражаете, я сам поведаю немного о себе. Родился в 1886 году в Москве. Родители мои были людьми состоятельными, получили на пару хорошее наследство. И поэтому, будучи не стеснёнными в средствах, посвятили себя без остатка любимому делу. Отец стал видным земским врачом, что, собственно, предопределило в большей степени и мой жизненный путь. Батюшка стоял у истоков поистине народной медицины. Он много трудился. Сколько я его помню, никогда не сидел без дела, то объезды, то съезды земских врачей. Сложное и противоречивое было время, но удивительно плодотворное для людей с горящими сердцами, настоящих сынов Отечества. Не банальные слова, Михаил Александрович! Когда я подрос, отец стал брать меня с собой. Я видел собственными глазами с какими титаническими усилиями и жертвами приходилось буквально проталкивать те идеи, которые сейчас нам кажутся такими естественными и разумными. Безграмотность населения, забитость, костность мышления, чиновничья леность сильно тормозили продвижение прогрессивных начинаний. Но, несмотря ни на что, посаженный росток дал замечательные всходы, плодами от которых мы теперь пользуемся всюду, даже не задумываясь об их истинной цене.

Помогала отцу утверждать новое моя мать, Ольга Павловна Есипова. Удивительной чистоты, преданности, врождённого аристократизма была женщина. И при том обладала незаурядным талантом в организаторском деле. Она возглавляла попечительный совет по созданию в нашей губернии лечебно-продовольственных пунктов, летних детских яслей-приютов, больниц. Её энергии с лихвой хватало и на наше с братом воспитание и на помощь мужу. Вообще, я благодарю судьбу за счастье родиться в такой семье. Брата старшего я очень любил. Мы с ним жили душа в душу. Александр родился раньше меня всего на 2 года, такая незначительная разница в возрасте сближает детей. Он выбрал военную службу. Геройски погиб в первую мировую. Мы крайне тяжело пережили его смерть.

Профессор умолк. Видно, потеря брата по прошествии стольких лет ещё живо отдавалась в памяти. Фридрих Карлович встал, подошел к шкафу и достал оттуда большой потрёпанный альбом с фотографиями.

– Вот, здесь – доктор похлопал по объемному старинному фолианту – история моего рода. В нём вы найдёте, Михаил Александрович, не только портреты людей, но и мысли, написанные их рукой. Ознакомьтесь, пожалуйста, это поможет вам сложить своё мнение о многих вещах. А я оставлю вас ненадолго, чтобы не мешать.

– Фридрих Карлович, вы предоставили мне ценнейший материал. Вам теперь придётся выдёргивать меня из глубин вашей родословной.

– Погружайтесь, не теряйте время – и доктор тихо ушёл.

Я был ему крайне признателен за такой подход к моей работе. Редкая удача! Есть возможность написать именно «живую статью», с богатым фактом. Я действительно «с головой» погрузился в то прошлое, что манит, заставляет искать нечто потерянное, забытое, но какое-то родное, трудно выразимое словами. Перед моим взором представляли лица людей, дома, улицы, города, эмоции, хроники, значительные даты. Я не мог оторваться. Сколько так просидел, сказать точно не могу. Из «глубины веков» меня выдернул резкий клаксон автомобиля, настойчивый, нетерпеливый. Я поднял голову и мгновения находился в странном состоянии. Настоящее и минувшее сошлись в одной точке. На мир я посмотрел сквозь некую пелену, толщу времён.

– С рыбалки вернулся ваш Аверьян Петрович – шутя сказал Фридрих Карлович, входя в гостиную.

– Фридрих Карлович, вы не будете возражать, если я приеду ещё, чтобы закончить свою работу.

– Вам обязательно надо вернуться.

– Я вам позвоню – пообещал я, когда в окно увидел зажжённые фары редакционной «Волги» и услышал повторные гудки. Аверьян Николаевич сигнализировал о необходимости возвращаться. – Надеюсь, не надоем своей назойливостью.

– Не беспокойтесь. Пойдёмте, я вас провожу.

Мы вышли на крыльцо. Уже стемнело.

– Жаль, но сегодня с Глафирой Андреевной вам, видать, свидится не суждено. В другой раз. – сказал профессор. А когда подходили к машине обратился к шофёру. – Как улов?

– Есть немного – удовлетворительно ответил Аверьян Николаевич – но раньше здесь водилось рыбки побольше. Наверно, сетями её ловили, еле тащили из реки. По всему видно, богатый был край.

Словоохотливость «молчуна» меня поразила. Он вообще редко произносил длинные фразы, а тут такая щедрость.

– Вы оказались совершенно правы, Аверьян Николаевич – подхватил разговор доктор – тут действительно жили зажиточно.

– Во-во, я и говорю, хлебное место. Ну, прощайте, ехать нам пора. Итак, поди, в ночь едем.

– До свидания! Счастливого пути! – пожелал нам Фридрих Карлович. И помахал рукой, когда мы тронулись.

Честно говоря, я ещё был под впечатлением «старини», к которой прикоснулся, и всё прощание прошло как в тумане. Во мне не укладывалось в голове с каким самозабвением люди отдавались служению Отчизне, как воспитывали в напутственных словах своих потомков, как говорили о патриотизме и любви к Родине, не в абстрактных понятиях, а именно выраженных в конкретных людях, в простом человеке, в народе. Они делали добро и в этом находили смысл существования, предназначение жизни. Разные столетия, разные одежды, разные лица, но через века единой связывающей нитью проходит вера в окончательную победу добра над злом и ради такой цели стоит трудиться и жертвовать, если понадобится, и жизнью.

До Москвы я ехал в каком-то оцепенении и только возле своего дома немного пришёл в себя. Было уже поздно, когда вошёл в квартиру, все уже спали. Поэтому, стараясь никого не разбудить, тихо пробрался в свою комнату, разделся и лёг спать. Голову распирало от мыслей, однако, всё же молодость взяла своё, и я заснул крепким сном.

На следующий день я позвонил главному редактору и отчитался о проделанной работе. Аргументированно объяснил в необходимости повторной поездки к профессору. На удивление, он не только согласился, но и похвалил меня за усердие, не забыв сказать, правда, что ждёт материал в назначенный срок. Я ответил, что занимаюсь вопросом плотно и сдам без опозданий. Редактор повесил трубку.

После сделал ещё один звонок. Мне непременно надо было извиниться за вчерашний некрасивый поступок. Когда мои искренние слова сожаления о случившемся приняли и простили, мне полегчало; на душе стало тихо и спокойно. В таком умиротворённом состоянии я договорился с доктором о визите к нему на дачу. Второй раз роскошь мне не полагалась, поэтому ехать в гости предстояло «на своих двоих». Но это было даже и лучше.

За второй встречей последовали третья, четвёртая.... Хозяин дачи каждый раз радушно встречал меня. Мы подолгу беседовали и материала накопилось предостаточно для того, чтобы мне закончить свою работу. После написания статьи в окончательной редакции я предложил Фридриху Карловичу с ней ознакомиться. Он остался доволен. Его удовлетворение стало для меня наибольшей похвалой. Ведь чем больше я узнавал о жизни доктора, тем сильнее росло уважение к этому чуткому, порядочному, честному человеку, продолжившему дело своих славных предков, и в то же время личности таинственной, загадочной. Однако, всё по – порядку...

Вышедшая моя большая развёрнутая статья, посвящённая профессору Шульцу, вызвала большой отклик читателей. Адрес газеты буквально завалили благодарственными письмами, сердечными пожеланиями доктору от его пациентов и просто людей, столкнувшихся с ним за долгую насыщенную жизнь настоящего целителя и человека. Честно говоря, я не ожидал такой реакции и по – иному в очередной раз посмотрел на Фридриха Карловича в свете признания его заслуг со стороны незнакомых мне граждан. Приходила корреспонденция даже из зарубежных стран.

На меня же обрушилась журналистская слава. Кто-то искренне, кто-то с завистью поздравлял меня с успехом. А для меня стало важным передать слова людей профессору Шульцу. Сколько можно писем я взял с собой, чтобы показать их доктору. Но в этот раз встрече не суждено было состояться. Когда приехал без звонка на дачу, Глафира Андреевна, с которой мне удалось всё же познакомиться, объяснила, что за Фридрихом Карловичем срочно прислали машину, и он уехал, скорее всего надолго, может, на день-другой, а то и больше. Видя мою растерянность, она любезно предложила остаться на ночь, но я отказался. Оставил письма и короткую записку профессору.

Через несколько дней мой начальник вызвал меня к себе и буквально огорошил приятным известием, командировкой на Дальний Восток, о которой я, как и многие, могли только мечтать. Вернувшись в свой рабочий кабинет, мой коллега сообщил мне ещё одну замечательную новость, что звонил профессор Шульц. Он просил перезвонить ему на дачу. Как я был рад слышать голос Фридриха Карловича. Доктор, узнав о моём предстоящем путешествии, предложил отпраздновать такое событие и пригласил в гости.

Немедля ни секунды, направился из редакции прямо на вокзал. Спустя час электричка увозила меня из душной Москвы. Настроение было приподнятое. Встречи с доктором всегда сопровождались приятными неожиданностями. После каждого посещения дачи Фридриха Карловича в моей жизни происходили внезапные перемены, то выпадала долгожданная командировка, то новое знаковое знакомство. А однажды мне сопутствовала даже удача в моментальной лотерее. Никогда не играл, а тут потянуло испытать судьбу и надо же такому случится, в руках держал выигрыш. Он был небольшой, но всё же вселил в меня какую-то другую уверенность в свои силы. Крылья как будто за спиной выросли. Дела мои и без того неплохие, пошли в гору, словно их с вершины кто потянул. Я только успевал осваиваться в одном качестве, как на очереди стояли другие события, влияющие на моё положение в редакции...

Наконец, долгожданная станция. От неё через лес до дачи профессора около 5 километров. Можно было бы поймать попутку, благо автомобили здесь не редкость. Но я предпочёл пойти пешком. Тем более располагал достаточным временем на такую длительную, если не сказать марафонскую, для меня прогулку.

Да и кто откажется подышать чистым подмосковным воздухом летом, усладить свой слух пением птиц, а уставший от бумажной работы взгляд освежить сочной зеленью. Скажите, где

ещё человеку так легко и приятно, как не в дивном царстве природы, когда ярко светит солнце, вокруг тебя всё бурлит, кипит, а ты идёшь мимо всего этого великолепия и наслаждаешься тем чудесным состоянием, которое называется счастьем, простым, естественным чувством единения с миром. Тебя радует каждая незначительная деталь, мелочь какая-нибудь вызывает восторг. А дышится так легко и вольготно!

Разве для страданий рождён человек? Нет! Тысячу раз нет! Почему-то именно здесь, среди бескрайних берегов жизни, особенно чётко понимаешь незатейливый смысл бытия. Так бы и остался в лесу, растворился бы в нём, чтобы не знать печали, потери, боли...

Не одинок я был в подобных думках. Тут и там мне встречались романтики творчества, сбежавшие от пыли, гари, суеты городской сюда, в эту обитель покоя и улады, и теперь пытающихся запечатлеть чудесные мгновения в картине, в стихах. Счастливчики!

Я шёл дальше и дальше, среди берёз, мощных дубов, тополей. Тропинка виляла среди деревьев как змейка, обвивала землю своим тельцем. И тут на ветке высокой сосны я увидел мельком маленькую яркую птичку, приковавшую меня к себе, заставившую забыть обо всём на свете и смотреть только на неё. Она прыгала с ветки на ветку, стремительно, быстро. Мне было нелегко уследить за её манёврами. Птичка то скрывалась, то на миг появлялась. Суетилась. Потом подул несильный освежающий ветерок, еле заметно зашевелились иголки сосны, пернатая вспорхнула и исчезла из виду. И сколько я не всматривался в надежде её увидеть, она так и не показалась больше. Неясное, смутное чувство некой с ней тождественности посетило меня. Ещё словами не мог выразить мысль, как вдруг птичка появилась снова. Посмотрела на меня, или почудилось, а затем взмахнула маленькими крылышками и спикировала вниз. Низом живота я ощутил полёт моей крошечной героини. Еле коснувшись земли, она взлетела снова вверх и юркнула между ветками. Вот теперь, пожалуй, всё. Мне стало грустно. Точно также, наверно, я выгляжу перед вечной природой. Хлопочу, что-то делаю, а потом уйду и вечность поглотит последние следы моего пребывания здесь. А где буду я? Небо, лес, солнце останутся, а от меня лишь пустота. Или не так всё?

Тропинка вела и вела, кругом гомон, гам, я же шёл в задумчивости. Слева увидел памятник со звездой на вершине неизвестным солдатам. Подошёл поближе, на табличке прочитал, что здесь геройски погибли воины N-го полка, стоявшие насмерть и не пропустившие немецкие танки к станции. Вечная память героям! Я остановился и поблагодарил их за мирное время, в котором живу. Они и подобные им остановили фашизм. Теперь рождаются дети, никогда не знавшие ужасов войны, голода, лишений. Мне вспомнился разговор с профессором, он тогда сказал: «Я прожил длинную жизнь и одно могу сказать точно, только сам человек определяет как и на что смотреть. Сознание, словно губка, впитывает в себя невероятный объем ощущений, чувств, эмоций, зрительных образов, и, если бы не утонченная избирательность нашего разума, жизнь надолго не смогла бы задержаться в нашем брэнном теле. Всё это я говорю для того, чтобы вы поняли, нужно находиться выше грязи, низости, и как можно ближе к тем непреходящим общечеловеческим ценностям и добродетелям, которые и составляют, собственно, смысл нашего пребывания здесь, – Фридрих Карлович умолк, затем, после непродолжительной паузы, продолжил – мои глаза видели многое: и разъезжавших по городу душегубок, этих страшных орудий убийства, порождённых прогрессом и извращённым разумом своих создателей, и рвы, наполненные обезображенными трупами детей, стариков, женщин и многое другое, чем сопровождалась оккупация. Всё это надо принять, пережить, перемолоть и двигаться дальше, потому что нельзя идти в будущее с повёрнутой назад головой.

Знаете, Михаил Александрович, ведь наши воины поднимались в атаку не только со словами «За Родину!», «За Сталина!», но и «За будущее!». Это очень примечательный факт. Понимаете, они шли в бой, где царила смерть. Но их мысль, их дух воспарялся выше. Солдаты умирали, а душа творила жизнь. Они жертвовали собой зная, что не напрасно, победа обязательно будет за ними. Их подвиг оценят и никогда не забудут, когда настанет мирное время.

Народ, который мечтает о счастливом завтрашнем дне в мгновения смерти никогда не может быть повержен. Это непреложная истина. Поэтому, прошу молодое поколение дерзать, замативаться на великое. Ничего не бояться. Стать, по-хорошему, настоящими сумасшедшими. Только так «двигают горы», веря в себя, в свои силы. А уроки истории требуется усвоить, чтобы их не повторять впредь...».

Да, вот и выходит, что сами люди своими собственными руками творят свою судьбу. Только бывает одни мешают жить другим. Но быть в ладу со всеми так просто, достаточно только уважать соседа, жить в совести, как говорил Фридрих Карлович. Но именно это и оказывается самым трудным. Прав доктор, не получается пока человечеству почувствовать себя единым организмом. Оно постоянно агонизирует, доводя себя до истощения и подводя себя к краю пропасти. Когда-то же это должно прекратиться. Я вздохнул полной грудью и свежий воздух наполнил лёгкие. Вернулось состояние радости и умиротворения. Прочь тяжёлые думы, да здравствует беззаботность, беспечность хоть на малые минуты.

Хорошо на душе. Шагаю весело и скоро. Уже показались среди садов крыши дач. Где-то там, в цветущем оазисе уютно раскинулась и дача профессора. Вот, наконец, и она. Уже знакомая калитка, дорожка и крыльцо. Фридриха Карловича я застал за работой. Он что-то сосредоточенно писал за столом в своём кабинете и не услышал, как я вошёл. Стараясь не шуметь и не отвлекать доктора, незаметно покинул комнату. Я снова оказался на улице. Шум и птичий гам не смолкал ни на секунду. Природа заряжалась летним настроением перед долгим периодом тишины и покоя. Я присел на резную скамеечку и присоединился к бурному торжеству яркой поры. Заслушавшись, не заметил, как возле меня оказался профессор. Теперь уже я оказался застигнутым в своём созерцании красот матушки-земли.

– Михаил Александрович, позвольте к вам присоединиться! – открыто улыбаясь, предложил Фридрих Карлович, – Уж очень довольный был у вас вид.

– Да, засмотрелся тут. Не хотел вам мешать. Вот и решил скоротать время.

Доктор присел рядом.

– Я не романтик, но очарование мгновения какое-то всепоглощающее. У меня вообще сегодня какое-то особое состояние.

– Это бывает, Михаил Александрович. Вы молоды, а сейчас и вовсе на взлёте своей карьеры.

– Вы, конечно, правы. Но всё же есть один момент, который отмечаю в себе. Во мне одновременно и внутренний подъём, и какая-то неведомая тоска. Откуда взялась, не могу понять. Может, как врач посмотрите на меня?

Фридрих Карлович внимательно и неспешно оглядел меня. Было в его взгляде что-то неземное, по – другому не сказать, глубокое, бездонное, словно на тебя, не моргая, вперилось потустороннее око. Ощущение мимолётное, но запоминающееся своей необычностью.

– Ну, Михаил Александрович, поверьте старику, вы абсолютно здоровы. А что касается вашей тоски, то это жизнь. Потом всё поймёте. Пойдёмте-ка лучше чайком побалуемся.

– С удовольствием! А что, Глафира Андреевна дома?

– Нет, уехала в город. Внуки хотят постоянно видеть бабушку, расстраиваются, когда она подолгу не навещает их. А для них и неделя – большой срок. – ответил и пояснил Фридрих Карлович, – но я и один сейчас справляюсь. У меня, видите ли – продолжал доктор – тоже знаменательное событие. Так что у нас у обоих прекрасный повод объединить наши успехи в одно торжество.

Профессор провёл меня в уже знакомую просторную столовую, где мы и продолжили наш разговор. Вообще «побаловаться чайком» превратилось в полноценный обед, за которым доктор поведал о своей радости.

– Мой сын Коля через неделю защищает кандидатскую диссертацию. Я вам уже говорил, Михаил Александрович, что он врач-хирург. Я горжусь им, у него большое будущее. Вы с ним ещё встретитесь. Между вами есть что-то общее.

Перед собой я видел счастливого отца, он действительно весь сиял, когда говорил о сыне. Я поймал себя на мысли, что профессор всегда искренне радовался достижениям не только близко знакомых, но и абсолютно неизвестных ему людей, о которых он узнавал в моём присутствии. Точно их жизнь как-то затрагивала лично его. Я не понимал причин такого отношения. Ведь с одной стороны говорить, «что все люди братья», а с другой – так жить.

– Я верю в счастье и в любовь! – продолжил Фридрих Карлович – А вы, Михаил Александрович?

– Я думаю счастье, понятие для всех разное. Не знаю, даже не думал как-то об этом.

– Конечно, жизнь ускоряется. Дела, всё дела, захватывают человека без остатка, особенно делового. И уже нет совсем времени подумать о вечном. Затем и вовсе в быте черствеет душа и забываются её порывы. В разряд несущественных вещей отходит то главное, для чего, собственно мы и приходим на этот свет.

– Но времени действительно не хватает. Хочется многое сделать, успеть. Столько всего нового, интересного!

– Вы, Михаил Александрович точно в соревновании участвуете. Только оглянитесь. Вам кажется, что вы бежите, но на самом деле стоите. А вот настоящая жизнь, вечная, несётся стремительно. И затем она, как ветер, подхватит с собой ваше последнее дыхание и унесёт с собой. Порой бывает остановиться просто необходимо.

Фридрих Карлович замолчал. Я тоже. Перед глазами вставали яркие образы, так живо нарисованные профессором.

– Вы уезжаете далеко. Там, среди дикой природы, у вас будет возможность подумать. Там всё к этому будет располагать. Для вас шанс стать счастливым человеком и познать любовь. И вот ещё что – доктор встал из-за стола и направился к своему письменному столу, из ящика которого достал папку. – Возьмите, Михаил Александрович, мою рукопись. Для вас, как для журналиста, она представляет ценность. Когда вернётесь обратно, возвратите её мне. Договорились?

– Конечно, Фридрих Карлович.

Мы ещё некоторое время посидели, и потом я засобирался домой. Сердечно попрощавшись с профессором, пошёл на станцию. Мне не терпелось посмотреть, какую рукопись передал мне Фридрих Карлович.

Это были его воспоминания... Именно по этой причине я не стал подробно останавливаться на содержании наших с ним бесед. Пусть о себе и своих мыслях расскажет сам доктор Шульц. Я же и так довольно много уделил внимания собственной персоне.

Часть 2

Даже самая долгая жизнь когда-нибудь заканчивается. И приходит время вспомнить всё. Память раскрывает свои тайные хранилища и на свет белый показывается не только «чистое бельё», но и то неприглядное, порой грязное и очень неприятное, от которого хотелось бы избавиться и откреститься. От него трудно дышать, оно придавливает словно чёрная глыба; и душа томится. И тогда только молитва есть спасение – чистая, как горная река и жаркая, как пламя огня. И после сердце успокоится и остановит свой бег ...

Двадцать минут одиннадцатого показывали мои памятные часы на золотой цепочке. Эти часы – подарок от профессора Платова Ивана Сергеевича, переданные мне в бытность мою ещё студентом. Тогда я заканчивал с отличием медицинский факультет, и за мои «личностные качества, а также блестящие достижения в научных изысканиях» мой учитель, ставший мне за время обучения очень близким человеком, вручил их с такой сердечностью и простотой, что я почёл за большую честь принять столь щедрый подарок. Часы были дорогие, марки Patek Philippe.

Я же еле сводил концы с концами, несмотря на состоятельность родителей. Тратил почти весь свой доход на книги, помощь друзьям, остро нуждающимся в средствах. Себе оставлял ровно столько, сколько было необходимо для моего скромного существования. Платов, будучи осведомлённым об этом, предоставил мне доступ к своей личной библиотеке. Она была поистине обширной. Здесь я черпал под его руководством знания из разных областей медицины, которые впоследствии очень пригодились, способствуя не единожды изменению течения моей жизни.

Я верил Ивану Сергеевичу, как верит сын своему отцу, зная, насколько искренен он был в своих чувствах ко мне. Вообще, в манере общения Платова не только лично со мной, но и с другими людьми угадывалось глубокое понимание природы человека, мудрость, накопленная долгим кропотливым трудом.

Жизненный принцип этого замечательного человека излагался в простых словах, «формуле истинности», как любил говаривать сам Иван Сергеевич: «Время – есть дар творить добро». Он так жил, воспитывая нас своим личным примером. В его лекторской на стене над кафедрой висел большой портрет Пирогова Николая Ивановича, великого русского хирурга и педагога. А под ним изречение, написанное красивым крупным шрифтом, хорошо читаемое даже с последних рядов: «Быть, а не казаться – девиз, который должен носить в своём сердце каждый гражданин, любящий свою родину. Служить правде – как в научном, так и в нравственном смысле этого слова. Быть человеком». Каждый раз, готовясь к занятиям, нельзя было не прочитать эти слова основоположника русской военно-полевой хирургии. Они врезались в память, отпечатались как буквы в типографской печати в наших душах с юношескими порывами и устремлениями к добру, желающим «любви, надежды, тихой славы». Мы жаждали служить Отчизне. Потому-то, возвращаясь к подаренным часам с их точным внутренним механизмом, хочу отметить, что они приобрели для меня некий сакральный смысл, где каждая секунда наполнялась непередаваемым трепетом, нервом жизни.

Помню одну из последних встреч с Иваном Сергеевичем, любезно предложившему вместе прогуляться. Я с удовольствием согласился. Мы шли по берегу широкой реки, по аллее из вековых дубов. Эта монументальность совместного творения рук человека и природы поражала. Во всём чувствовалось величие, спокойствие, уверенность, незыблемость.

Стояла уже середина осени, но деревья листву еще не сбросили, словно не решая расстаться с летним настроением и желая ещё немного продлить себе праздник весёлого времени

года. Да и вообще, солнце баловало теплыми днями на безоблачном небе, и воробьи задорно чирикали, радостно отзываясь на щедрый подарок природы. Мир продолжал пребывать в той неге, когда даётся время на отдых перед долгим периодом лишений и испытаний.

– Знаете, Фридрих Карлович – продолжал профессор нашу беседу, начатую ещё около университета, – жизнь постоянно будет пробовать вас на прочность. Проверять, сударь, «на порядочность». Вы, несомненно, столкнётесь с подлостью, страстями, низостью, той грязью, без которой, к сожалению, нашу юдоль сейчас представить сложно. Но вы должны быть выше всего подобного. Вы постарайтесь сохранить чистоту души. Запачкать её легко, отчистить трудно. Только человеколюбие есть компас в море житейских обстоятельств, которое не позволит вам сбиться и потерять смысл жизни. В конце концов, как сказано в Писании – не делай другим того, чего не желаешь себе.

Иван Сергеевич умолк, так в молчании мы шли довольно долго. Меня нисколько не тяготила такая прогулка, наоборот, было приятно просто идти рядом с профессором, внутренне держаться за него, поскольку в его присутствии всё выглядело ясным и понятным, как утренний день. Я вообще был полон оптимизма и радужных надежд, мне рисовалось большое светлое будущее. Ничто меня не огорчало, не омрачало моих мыслей. Университет за плечами, и, как небезосновательно полагал, приобретённый багаж знаний поможет мне неплохо устроиться в жизни. Молодость...

– Это очень живописное место, не правда ли Фридрих Карлович? – нарушив молчание и выдернув меня из моих грёз наяву, спросил профессор.

– Да, несомненно!

– Я люблю здесь гулять. Здесь тихо и нет суеты. Пойдемте вон к той свободной скамейке – Иван Сергеевич указал рукой, – сегодня какое-то странное состояние. Особенная душевная близость с живым пространством. С годами понимаешь, что ни в коем случае нельзя терять с ним родовую связь. Именно родовую. Эта невидимая физическим зрением пуповина никогда не обрезается, только теряется, забывается что ли. Оттого-то человек и начинает страдать, пускается во все тяжкие, стараясь заменить потерянное иллюзорными удовольствиями, разрушая сначала свою душу, а следом и тело. Потому-то и лечить сперва следует душу, и только потом тело.

Мы сели. Платов делал всё не спеша, он осмотрел скамейку и только после опустился на неё.

– Вы сейчас наполнены до краёв, не так ли, молодой человек?

– Ещё как, Иван Сергеевич! – ответил я со счастливой улыбкой.

– Замечательно! Вот постарайтесь и пронести полную чашу до конца жизни. Тогда Вы будете по-настоящему довольны своей судьбой, она непременно вознаградит за «нерасплескание». А теперь ступайте, Фридрих Карлович – вдруг неожиданно и настойчиво попросил профессор, и это в тот момент, когда меня буквально распирало от внезапно охватившего чувства открытости чему-то непостижимому, необъятному, великому – ступайте, перед вами открыты двери будущего, только помните, теперь вы врач, всегда врач.

Иван Сергеевич по-отцовски обнял меня, не вставая. «Благословил», промелькнула почему-то такая мысль. Я встал, попрощался и зашагал прочь от скамейки. Обернулся, помаhal ему рукой, Платов же смотрел мне вслед, с промедлением, ответив на мой жест. Вдруг у меня защемило сердце, даже потемнело в глазах, острая боль пронзила грудь, но потом быстро всё отпустило, так что толком ничего не успел сообразить, но ощущение утраты, невозможности возврата к чему-то зародилось тогда в моей душе.

А потом долгие годы, особенно в трудные судьбоносные для меня времена, наши встречи служили мне поддержкой и опорой. Теплотой, любовью, мудростью веяло от них. Иван Сергеевич верил в меня, как своего последователя. Но об этом я уже серьёзно задумался в преклонном возрасте, когда с опытом стало многое открываться.

Нам ещё довелось встретиться несколько раз. А через полгода после нашего университетского выпуска этого благородного, чистого, настоящего врача и человека не стало. Проститься с ним и проводить в последний путь приехали все ученики, бывшие студенты, хоть один раз имевшие счастье общаться с ним. Особенно чувство большой утраты испытали пациенты, для которых Платов был последней надеждой на выздоровление. К каждому больному он находил исключительно свой подход лечения, может быть, единственной верный в каждом конкретном случае. Профессор был не только хирург от Бога, но и тонкий психолог, видевший корень заболеваний, прежде всего, в характере и внутреннем состоянии обратившегося к нему человека. Иван Сергеевич любил людей, неизменно, с искренним участием, погружаясь в их жизнь. О нём можно вспоминать и говорить очень много и долго. Только моя память имеет значительный багаж событий, связанных с ежедневным незаметным, будничным служением профессора.

Это он как-то неприметно увлёк меня изучением болезней сердца. Этот обширный раздел медицины стал предметом моих исследований на всю оставшуюся жизнь. Я ознакомился со всей научной литературой по данной тематике. С рвением молодого учёного штудировал всё, что попадалось мне на глаза. Меня настолько поглотила моя деятельность, что я по-настоящему растворился в ней; а по ночам, во сне, близко-близко, словно в большое увеличительное стекло, рассматривал в мельчайших деталях бьющееся сердце. Зрелище пульсирующего органа настолько завораживало меня и затягивало, отчего просыпался всегда, точно находясь в капсуле, коим и являлся неутомимый «мотор». Дело дошло даже до того, что, идя по улице и встречая постороннего мне человека, я начинал «слышать» его сердечный ритм, определяя сбои, ставя диагноз. Подобная диагностика сопровождалась сильным болезненным ощущением, мелкой тряской тела, повышением давления и головной болью. Моя сверхчувствительность чуть не довела меня до иступления. Благо Иван Сергеевич вовремя заметил творившиеся со мной безобразия. Его своевременное вмешательство спасло меня от сползания в пропасть и, может быть, от дома для душевнобольных. Куда я тоже заглядывал для получения материала.

Профессору пришлось повозиться со своим учеником, то есть со мной. Он выразил крайнюю степень неудовольствия выбранными подходами и методами исследования. Его начальная фраза: «Вы, батенька, ...», дальше содержала полную мою характеристику в крепких словцах, которые никогда прежде и после не слышал от привычно спокойного Ивана Сергеевича. Монолог моего учителя навсегда запечатлелся в моей памяти, став тем предохранительным клапаном, который не позволял мне больше сползать в бессвязное, бесформенное существование, как в тумане, как в бреде. После восстановления моего физического и психического здоровья профессор всерьёз и надолго занялся формированием моего научного склада характера, делая упор на контроле за мыслями и чувствами, уча постоянно искать и находить ту золотую середину во всём, что обеспечивает устойчивое, главное без срывов, восприятие окружающего мира. В этом он добился со мной значительных успехов. С тех пор мой разум ещё не единожды подвергался серьёзным испытаниям, стрессам, каждый раз выдерживая колоссальные нагрузки, оставаясь чистым и незамутнённым. Именно Ивану Сергеевичу, его наставничеству я многим обязан в своей жизни. Помню каждое его слово, сказанное на мой счёт: «Фридрих Карлович, голубчик, у вас редкий божий дар. Вы проникли в ту сферу познания, которая мне, к сожалению, не доступна. Вы ушли вперёд. Единственное, чем я могу вам помочь, так это только советом, опытом старого человека. Такой талант, как ваш, даётся чистым душам, чьё призвание служить людям. Но он же накладывает и высокую ответственность. Кому много дано, с того много и спросится.

А знания следует постигать поэтапно, дозированно. Вы врач, и прекрасно знаете, в больших дозах всё вредно. Свой талант тратьте с умом и рачительностью. Только так вы сможете принести наибольшую пользу людям. И последнее, ваш дар подобен скрипке Страдивари. Вам предстоит научиться на ней играть виртуозно, неподражаемо, но, упаси вас бог, порвать

струны, замены им не будет. Без инструмента вы превратитесь в обыкновенного скучного обывателя, вместо неординарности – заурядность. А это уже трагедия. Вы просто обязаны стать мастером, в совершенстве владеющим своим даром».

...Да, уже двадцать минут одиннадцатого. Торопливая суета в N-ской городской больнице...

Война застала меня здесь в должности главврача. Срок моей длительной командировки подходил к концу, когда Германия вероломно напала на Советский Союз. Неиссякаемый поток раненых, поступающих с передовой, поставил крест на моём возвращении домой в Москву. Операции, операции, операции... Боль, крики, стоны, мольба пропитали все стены теперь уже военного госпиталя. Грязные машины привозили всё новых и новых пациентов. Уставшие нянечки, медсёстры начали свой великий бессонный подвиг.

Совсем недавно больница представляла собой тихое спокойное место. За время моего пребывания в ней я успел ознакомиться с «каждым местным кирпичиком», каждым укромным уголочком ухоженного большого парка со скамеечками для больных, на которых они сидели поодиночке или небольшими компаниями. Тихо разговаривали, что-то обсуждали. Теперь этого больше нет. Везде унылость, страдание и смерть.

Шло тяжёлое лето сорок первого. К началу июля стало окончательно ясно, что показываемая в кинохрониках непобедимость красной армии почему-то дала сбой. И теперь отступала, ведя за собой вглубь родной земли беспощадного врага.

Мучительно было осознавать всё происходящее – масштабную катастрофу, панику, неиссякаемый поток беженцев. Огромная страна только отходила от шока внезапного нападения и пыталась организованно дать отпор, перестроиться на военный лад. Всё кругом подстёгивало куда-то идти и что-то делать, в хаосе, неразберихе, суматохе.

С горестью смотрели, как рушилось с таким огромным трудом заново отстроенное после гражданской войны народное хозяйство под снарядами и авиабомбами, уничтожалось гусеницами танков и сапогами солдат. С болью люди прощались с мирной жизнью, покидали родные места. А враг посыпал их с неба смертоносными «подарками» и листовками.

Чёрные лица от горя и пыли, неизвестность – вот то, что видел наш город в бесконечном потоке беженцев, идущих на восток, спасающихся от гибели и нежелания оказаться под гнётом чужой власти.

Я же остаюсь... Остаюсь по просьбе Безбородова Тимофея Петровича, комиссара государственной безопасности. Наш разговор с ним тогда был не очень длинным, и состоялся он на конспиративной квартире, куда меня доставили под предлогом осмотра тяжелобольного.

– Мы скоро уйдём из города – устало говорил Тимофей Петрович – и, возможно, надолго, но обязательно вернёмся. За это я вам ручаюсь. Я знаю, что вам предписано эвакуироваться вместе со всеми, и в связи с этим у меня к вам будет не личная просьба. Прошу вас не уезжать. Вы нужны нам здесь, очень нужны.

– Позвольте, Тимофей Петрович, что же вы предлагаете мне здесь делать? Я хирург и моя помощь нужна там, на фронте.

– Я сейчас вам всё объясню, Фридрих Карлович. Мы с вами давно знакомы и уж не знаю, как назвать факт неожиданной встречи здесь, но это не случайность. Вы знаете меня. Не раз имели возможность оценить мои качества. Однажды вы мне сказали про мою интуицию, что она у меня феноменальная. Помните?

– Как же, как же. Тогда она спасла нас от верной гибели. Тогда много было разговоров о вашем чутье.

Действительно, речь шла о событиях в двадцатые годы в Туркестане, куда был направлен молодой чекист Безбородов Тимофей. В то время я находился там в командировке. Басмачи, поддерживаемые Англией, старались не допустить утверждения Советской власти и лютовали, особенно охотились они за красными командирами и комсомольскими активистами. Мне нередко приходилось сопровождать обозы с тяжелоранеными, которых укрывали и переправляли в более безопасные места. Чекист Безбородов, возглавлявший нашу охрану, каждый раз доводил нас до нужных населённых пунктов без потерь и особых приключений. Он по только ему ведомым знакам, приметам, умудрялся обходить хитрые ловушки басмачей, охотившихся за нами. Каким-то просто невероятным наитием обладал Тимофей, ходивший всю жизнь точно по лезвию бритвы.

– Прошу вас довериться мне и на сей раз, Фридрих Карлович. Нам крайне важно знать, что здесь будет происходить, так сказать изнутри, каким людям можно будет доверять. Вы умеете располагать к себе. Вы тонкий психолог и проницательный человек. Вас сложно ввести в заблуждение и обмануть. Кроме того, вы не только врач «с именем», профессор, но и, что самое ценное для нас сейчас, вы – немец. А значит, общие национальные корни позволят вам легко найти общий язык с нашими врагами. По возможности устанавливайте контакты с офицерами, врачами, в общем, со всеми теми, кто непременно станет обращаться к вам за помощью. Ваш опыт, жизненная мудрость, возраст как нельзя лучше подходят для этой роли.

– Тимофей Петрович, вы предлагаете мне в преклонных годах стать шпионом. Не кажется ли вам, что это не очень рациональное использование моих возможностей.

– Я всё понимаю, Фридрих Карлович. Но вы войдите в моё положение – такую подходящую кандидатуру, как ваша, трудно найти. Вы, поверьте моему опыту и интуиции, не вызовете никаких подозрений даже при тщательной проверке вас со стороны СС. Вы всю жизнь только и делали, что лечили людей, хорошо лечили. Вы были вне политики, вы ни в чём не замешены. И потом, как можно бросить жителей без хорошей врачебной помощи?! – закончил свою мысль комиссар.

– Когда вам нужен мой ответ?

– Сейчас! У нас нет времени.

Мне совсем не нравилась эта затея. В ней было что-то жуткое, отталкивающее. Одно дело оперировать раненых, находясь среди своих, другое дело выполнять свои обязанности «под пятой» захватчиков, да ещё обременённым таким непростым заданием. Я прекрасно понимал в какую игру втягивает меня Безбородов, в мир предателей, провокаторов, ловушек. Смогу ли я быть так полезен, как обо мне думает комиссар? Но чашу весов в сторону принятия предложения перевесили слова о необходимости помогать тем, кто остаётся здесь.

Я посмотрел на своего собеседника. Чтобы не мешать мне он отошёл к окну, закурил и смотрел задумчиво на улицу. Сигаретный дым уходил в форточку. Глядя ему в спину, поймал себя на мысли, что жизненный путь комиссара подходит к концу. Я никогда не мог чётко объяснить себе откуда мне было такое известно, просто знал. Конечно, идёт война. В двадцатые годы тоже была война, и тогда он выжил. А теперь...

Не единожды Безбородов спасал мою жизнь там, в Туркестане, рискуя своей. Я не мог ему отказать. Не имел права. Что-то другое, неосознанное, смутное, также толкало сделать этот шаг. Противиться возникшему настойчивому чувству не стал.

*Alea jacta est!*¹...

– Хорошо, Тимофей Петрович, вы можете мною располагать, – после продолжительной паузы ответил я.

– Что же, признаюсь вам, другого ответа я и не ждал от вас, Фридрих Карлович.

¹ «Жребий брошен»

Безбородов провёл со мной обстоятельный инструктаж по поводу того, как и что говорить в разных случаях, как вести себя, к чему быть готовым. «Не доверяйте никому до конца! Это вопрос жизни и смерти для вас, Фридрих Карлович. Проверяйте и перепроверяйте людей. В общем, я верю в ваш опыт и благоразумие, профессор» – говорил комиссар. После мы обсудили детали связи со мной и на том наши пути разошлись. Он очень спешил.

С тяжёлым сердцем я стал встречать надвигающуюся с запада грозу. Окончательно в прошлое ушло мирное спокойное время. Рубикон пройден.

Вдали грохотали пушки. Дымы пожаров, разрывы снарядов уже докатывались до нас. Гарь и смрад доходили до города.

Придя домой, после разговора с комиссаром, у меня состоялась беседа с женой.

– Юля, – начал я неторопливо, – я никуда отсюда не уезжаю. Мне надо остаться здесь. Прошу, не спрашивай причины. Они веские. Тебя же хочу попросить уехать.

– Фридрих, мы с тобой прожили долгую жизнь. У меня никого нет роднее и ближе тебя. После сына я не хочу потерять еще и тебя. Неужели ты думаешь, что я смогу оставить тебя одного в этом аду?

Она умолкла и посмотрела мне в глаза. В них я мог прочесть всё: и горечь утраты, и тревогу за меня, но, главное, твёрдость принятого решения. Настаивать на своём было бессмысленно. Мы помолчали несколько минут, а потом жена улыбнулась и сказала: «Помнишь, мы поклялись друг другу не разлучаться, разве забыл?»

– Помню!

– Тогда решено, я тоже остаюсь, что бы ни случилось дальше!

– Хорошо.

Как ни странно, но у меня отлегло от сердца, стало легче дышать. Присутствие жены меня всегда успокаивало. Без неё я словно начинал «прихрамывать», терял часть себя.

После разговора с Юлей пришло ясное понимание того, что ей необходимо остаться. Уже не единожды именно вместе мы преодолевали все испытания, выпадавшие на нашу долю.

Август... Стихла канонада. Наступила непривычная тишина, и только здесь, в больнице, продолжалось броуновское движение. Слава Богу, всех раненных красноармейцев удалось эвакуировать, остались лишь гражданские тяжелобольные. Каких усилий в этом хаосе поспешного отступления стоило организовать подводы и транспортировку до станции тех, кого ни в коем случае нельзя было оставлять. Теперь все мои мысли занимали «подопечные» в палатах. За них я серьёзно волновался, будучи наслышанным о тех зверствах, которые чинили воодушевлённые лёгкими победами немецкие войска. Для меня, человека уже немолодого, пережившего революцию и смутное время, было страшным и непонятным такие преступления против мирного населения. Это какое-то чудовищное дикое погружение в средневековье. И дело не в том, что я представитель самой гуманной профессии. Нет, ни в коем случае. Во мне сейчас говорил исключительно здравый смысл, который отказывался верить в творимое безобразие здесь. Падение человека, целой нации, которая точно взбесилась, отбросила нравственность, справедливость, поправ все добродетели, доставшиеся исторически высокой ценой и невообразимым количеством жертв, шокировало.

С гуманной точки зрения нельзя объяснить столь уничижительное отношение одного народа к другому, обладающего богатейшей культурой, великими научными открытиями, гражданскими достижениями. Бредовые идеи о превосходстве ещё никого не сделали счастливым, но несли только смерть и разрушение. Похоже, человечество снова страдает амнезией, предпочитая наступать на одни и те же грабли и набивать новые шишки, ещё более болезненные.

Я нисколько не сомневался, что и эта война, только набирающая обороты, когда-нибудь закончится. И урок для всех опять будет с одним результатом – восток зло остановит. Я верил в свою страну, в свой народ!

А сейчас я готовился встречать непрошенных гостей. Время неумолимо летело, унося с собой последние остатки прошлой жизни, оставляя только надежду. И вот во дворе больницы, уютной, закрытой со всех сторон рослыми крупными деревьями, послышался гул мотоциклов, машин.

Затопали гулко по коридорам маршевые сапоги, послышались резкие команды, автоматные очереди, крики, ругань. Я поспешил выйти на шум, внутренне приготовившись собственными глазами увидеть всё то, о чём рассказывали многочисленные беженцы. Открывшаяся варварская картина возмутила меня до глубины души, но чёрствости не было никакого дела до моих личных переживаний. Солдаты под командные выкрики офицеров выталкивали больных из палат в общий коридор, как выгоняют скот из загона, пинками, прикладами, без сочувствия к еле ходившим людям. Вслед им летели вещи, падавшие тут же на пол, их месили, поддавали, рвали. Всё переворачивалось «вверх дном». Творилась вакханалия безнравственности и безнаказанности. Всех, кто противился произволу, с грубой силой уводили вниз.

Ещё с детства я не выносил проявления любой формы насилия, считая, уже в более зрелом возрасте, это постыдным, противоречащим самой сути человеческой природы. А мой учитель, Платов Иван Сергеевич, окончательно помог мне сформировать мои нравственные ценности, придав им законченный вид. Они стали определять моё мировоззрение. Причём краеугольным камнем всего «здания» выступало человеколюбие. Я всегда старался следовать своим принципам, ибо видел в них ту нравственную основу, которая придаёт смысл моему существованию.

Поэтому протест против жестокого обращения с немощными, слабыми людьми был с моей стороны бурным, эмоциональным. Вылился он не только в словесной форме – попытке образумить солдат, что, конечно, ни к чему не привело, но действиями. Я преградил путь на следующий этаж больницы. Это подействовало! Здесь, то ли решимость и непреклонность всей моей фигуры в белом халате, сыграли решающую роль, то ли внезапное появление старшего офицера, стремительно подошедшего ко мне и вежливо попросившего следовать за ним, то ли всё вкупе, но погром остановился. Возникла пауза, тишина, в результате которой обескураженный персонал и ошалелые больные немного пришли в себя.

Мы прошли в пустующий кабинет. Офицер закрыл за нами дверь, поднял стул и попросил меня присесть, сам же он занял свободный, стоящий перед окном. Таким образом, я оказался в свете с головы до ног, как на допросе, только в мягкой форме.

– Извините, господин доктор, за наше вторжение – неожиданно вежливо начал свою речь мой собеседник – Я всего лишь выполняю приказ! Это здание должно быть освобождено под наших доблестных воинов, проливающих кровь за Великую Германию к 17-00. И мне не надо вам объяснять, что противиться в данном случае неуместно, бессмысленно, даже опасно. Кроме того, в мои обязанности входит также выявление среди ваших пациентов скрывающихся военнослужащих красной армии.

– Здесь их нет – попытался заверить я офицера.

– Возможно! Однако, я обязан проверить всё надлежащим образом. И ещё, меня уведомили о вашей персоне, поэтому прошу вас спокойно отнестись к моим полномочиям и не мешать мне. Ко мне вопросы есть, господин доктор?

– Простите, господин офицер...

– Шнайдер.

– Хорошо, господин Шнайдер, скажите, что означает «уведомили о моей персоне», как это позволите понимать?

– Пожалуйста! Распоряжение относительно вас лично дал полковник СС Отто фон Шварц. Также вы получите возможность организовать медицинский пункт. Для этого вам надлежит в ближайшее время явиться к бургомистру. Остальное меня не касается. Извините, у меня нет больше времени. До свидания, господин доктор.

Шнайдер по-военному встал, прошёл к двери и открыл её передо мной, приглашая выйти. Весь наш разговор проходил на немецком языке. Когда мы оказались в коридоре, все мои коллеги с недоумением смотрели на меня. Они не могли слышать ни одного слова из нашей беседы, но сам факт диалога с главврачом при закрытых дверях и услужливости обращения со стороны врага вызывало удивление, настороженность, подозрительность. Но сейчас их реакция меня несколько не интересовала, главное – появилась возможность делать своё дело – помогать! Это было самым важным. «Долг превыше всего!» – как-то без пафоса всплыло это изречение.

Время шло... На оккупированной немцами территории были установлены новые порядки. Естественно, я их не одобрял. Но они, как лакмусовая бумажка, вскрывали истинную суть людей, оказавшихся в непривычных для себя условиях существования. В одних проявилась трусость, подлость, которые в мирное время не были заметны или хорошо маскировались, в других, в ком трудно было такое заподозрить – смелость и отвага. Но, вообще, несмотря на гнёт, русские люди стойко переносили все тяготы, выпавшие на их плечи. Отчего у меня на душе всегда неугасимо жила надежда на светлое будущее. Да и как могло быть иначе, если в мире «нового порядка», мглистого, липкого, безжизненного по своей насильственной природе, душившего человечность, горели ярким огнём дружба, взаимопомощь, любовь, поддержка ценой собственной жизни. Я гордился своим народом и как мог поддерживал тех, кто обращался ко мне за помощью.

Расчёт Безбородова оказался верным. Установившаяся власть препятствий мне не чинила, давая возможность вести врачебную практику. Уже в сентябре ко мне стали заходить немецкие коллеги за консультациями по профессиональным вопросам. Merito fortunae² одним из первых моих знакомых стал Вальтер Гроссман. Человек неординарный, с большими энциклопедическими знаниями. Его отличительной чертой был порядок во всём, требовательность и бескомпромиссность. Именно он, сам того не ведая, сыграл немаловажную роль в моей судьбе. Нашей с ним встрече способствовала неистребимая тяга к дискуссиям, конференциям, поиску оппонентов и сторонников своих научных воззрений.

Я как-то заглянул в аптеку, мне требовалось купить кое-какие лекарства, и там встретил Шнайдера, того самого офицера, который освобождал больницу под немецких раненых. Он стоял у кассы спиной. Расплатившись, повернулся со свёртком в руке к выходу и увидел меня.

– Здравствуйте, господин доктор. Рад видеть вас в полном здравии – сказано всё было довольно дружелюбно

– Добрый день, господин Шнайдер.

– О, вы запомнили мою фамилию!

– Вы были любезны в ту нашу встречу.

– Я всего лишь выполнял приказ. А теперь прошу извинить меня, я очень спешу. До свидания, господин доктор.

– До свидания.

Офицер быстро вышел и сел за руль машины, стоящей у входа. Она тронулась и вскоре остановилась. Из задней двери вышел сухой подтянутый человек в гражданской одежде и направился в аптеку. Я рассматривал полки с лекарствами, когда услышал свою фамилию.

² По счастливому случаю (лат)

– Доктор Шульц?

Я повернулся и увидел перед собой человека лет сорока пяти, в круглых очках, с пронзительным умным взглядом.

– Вы профессор Фридрих Шульц? – уточнил свой вопрос неизвестный.

– Да, это я.

– Честно говоря, не ожидал вас увидеть здесь. Но, позвольте представиться, Вальтер Гроссман, начальник военного госпиталя. Не будете ли вы столь любезны навестить меня в этот четверг. Я буду свободен после семнадцати. К сожалению, сейчас очень занят – затем он достал блокнот и что-то в нём быстро написал, вырвал листок и протянул его мне – Вот, возьмите, по данному адресу вы найдёте меня в условленное время. Если у вас не получится, дайте знать, и мы перенесём нашу встречу. Извините, пора. Дела...

И Гроссман вышел быстрым шагом, направившись к ожидавшему его автомобилю.

Я стоял и держал в руках записку. Потом прочитал её, сложил и положил в карман пиджака.

– Вы выбрали что-нибудь, доктор Шульц? – услышал я голос аптекаря, вырвавшего меня из задумчивости.

– Да, вот список, пожалуйста, соберите всё по нему.

– Конечно, сию минуту.

В аптеку, до того пустую, вошли ещё несколько посетителей. Меня рассчитали. Выйдя на улицу, направился к своим пациентам. По дороге я размышлял о превратности судьбы. Появление Гроссмана было неожиданным и сулило неоспоримые выгоды, если правильно «разыграть карты». Поэтому отказываться от приглашения не стоило, следовало, наоборот, сделать всё возможное и навестить начальника военного госпиталя. Я так и поступил. Через два дня, придя по указанному адресу, застал Гроссмана дома. Тот был явно рад моему приходу, провёл меня в свой кабинет и предложил «на выбор» выпить.

– Коньяк, если можно – ответил я.

– Хороший выбор! Пожалуй, присоединюсь к вам – одобрил хозяин и стал наливать его из бутылки в бокалы из толстого прозрачного стекла на короткой ножке.

– Возьмите, господин Шульц – и с этими словами Гроссман протянул мне один из бокалов.

– Благодарю вас.

– Я верю в случай. Он часто вносит свежую струю, так сказать, новую кровь в нашу повседневность, и всё становится ярче. Вы согласны?

– Несомненно, вы правы.

– Взять, например, меня. Я здесь начал закисать, несмотря на загруженность в госпитале. В последнее время к нам с востока раненых отправляют уже эшелонами. И вот удача, обычная рутинная поездка принесла встречу с вами. Не зайти капитан в аптеку, не расскажи он мне о вас, всё могло сложиться иначе. Случайности, случайности. Они правят нашей жизнью.

– Вы философ, господин Гроссман.

– А вы, разве нет? – начальник госпиталя улыбался, – в нашей профессии без неё нельзя.

На всё надо смотреть трезво и практично.

– Случай вы тоже ставите на службу практичности?

– Обязательно – и Гроссман рассмеялся, – с одной стороны, мне не хватает катастрофически врачей, но я не рассматриваю вас в качестве кандидата на работу в лазаретах, хотя от помощи бы не отказался. Меня интересует другое. Я знаком с вашими некоторыми трудами в области сердечно-сосудистых заболеваний. Мне они показались очень ценными. Дело в том, что я сейчас наблюдаю одну женщину. Она беременна, на двадцать третьей неделе. Я диагностировал у неё порок сердца. Это как раз ваша, уважаемый господин Шульц, научная сфера интересов.

– Продолжайте...

– Так вот...

Зазвонил телефон.

– Извините, я сейчас.

– Не беспокойтесь.

Гроссман вышел в соседнюю комнату. Я слышал, как он разговаривал: «Да, да! Высылайте машину. Буду готов. Без меня ничего не предпринимайте. Слышите меня? Ничего!»

Вернулся начальник госпиталя немного возбуждённым. Но быстро взял себя в руки.

– Извините, господин Шульц, меня срочно вызывают. Сейчас прибудет машина. Если нам по пути, я смогу отвезти вас домой.

– Не беспокойтесь. Я доеду до дома самостоятельно.

– У меня к вам будет одна просьба. Случай с моей пациенткой действительно сложный.

Когда мне понадобится помощь, могу я рассчитывать на вас?

– Конечно, вы можете располагать мною.

– Благодарю вас.

Только Вальтер Гроссман успел одеться, как внизу посигналили. Мы оба вышли и на улице попрощались.

Моя консультация понадобилась скоро. На этой почве наши встречи стали носить регулярный характер. В каком-то роде я стал протеже начальника госпиталя. Круг моих знакомств стал расти намного быстрее. С некоторыми коллегами я сошёлся довольно близко. Они представляли собой старую добрую интеллигенцию, видевшие своё предназначение лечить людей и искренне не понимавших, и отвергавших и войну, и жестокую политику «огня и меча», политику устрашения в отношении мирного населения. Между собой тихо осуждали бессмысленные жертвы с обеих сторон и были убеждены в полной бесполезности принуждения к покорности через животный страх, даже, наоборот, утверждали, что именно такой способ ведёт к усилению борьбы и очередному витку бескомпромиссности. По поводу действий новой власти я особо не распространялся. Считаю, что мне лучше держать язык за зубами. А вот на медицинские темы я мог говорить долго и свободно.

Моё общение кроме знания о настроениях в среде немецких офицеров приносило и некоторые выгоды. Иногда я получал нужные лекарства, достать которые в военное время было крайне затруднительно. В общем, как-то само собой моя «шпионская деятельность» стала приносить свои плоды, только некому было их передавать. На связь со мной никто не выходил. Я тщетно всматривался в незнакомые лица, пытаюсь распознать среди них посыльного, желал услышать ключевые слова.

Как-то раз, принимая больных, когда выходил по своим делам, заметил в коридоре человека средних лет. На первый взгляд он ничем особым не выделялся, сидел тихо, ни с кем не разговаривал, закинув ногу за ногу и положив на верхнюю забинтованную руку. Но что-то в нём заставило меня внутренне напрячься. Проходя мимо него, поймал цепкий взгляд исподлобья. Меня рассматривали точно дичь на охоте. Сравнение пришло как-то само собой и верно отражало суть происходящего. Охотник затаился и ждал нужного для себя момента. Я вернулся в свой кабинет и приготовился ко встрече. Наконец подошла очередь подозрительного типа. Он зашёл, кашлянул негромко, всем своим видом показывая из себя скромного работягу. Только манера подачи себя никоим образом не соответствовала создаваемому образу. В еле уловимых движениях проскальзывало нечто хищное и безжалостное. От него теперь просто веяло холодом как бы ни старался этот посетитель скрыть свою суть и расположить к себе через деланную бесхитрость.

– Здравствуйте, доктор – заговорил мой посетитель, переминаясь с ноги на ногу, продолжая стоять возле двери.

– Прошу вас, проходите, садитесь вот сюда – указал я ему на стул напротив своего стола.

Когда он сел, я подошёл к нему.

– Что вас беспокоит?

– Рука, доктор.

– Ну, покажите её, посмотрим.

Выполняя мою просьбу, пришедший стал разматывать сосредоточенно и аккуратно грязный бинт, при этом часто моргая глазами. Азбучность поведения провокатора меня рассмешила. Но я не подал вида и со всей серьёзностью врача смотрел на производимые им манипуляции.

– Давайте, давайте – с этими словами я осторожно взял руку для осмотра. Действительно, она имела характерную для обычного ушиба припухлость.

– Боль сильная? – спросил я, ощупывая место травмы.

– Не очень.

– Как же это случилось?

– Колесом от телеги придавило.

– Ясно. У вас ушиб, ничего страшного. Прикладывайте несколько дней что-нибудь холодное к травмированному месту и всё пройдёт. Впредь будьте осмотрительнее.

– Доктор, вы напишете мне справку на место работы? А то ведь не поверят, скажут прогулял. Накажут.

– Конечно.

– У нас начальник – немец, дотошный. Всё вынюхивает, подсматривает, что-то всегда пишет в своей тетрадке.

– Работа у него такая.

– Да, это верно. Не любят у нас его никто. Злющий, тощий как смерть. Как глянет поверх своих круглых очков, так душа в пятки.

– Вы руку поберегите – продолжая выписывать справку, посоветовал я своему пациенту.

– Поговаривают, – понизив голос, стал рассказывать дальше провокатор, – что у нас на заводе подпольщики объявились. Листовки подбрасывают. Я лично не видел, но некоторые мои приятели держали их в руках.

– Вы сообщили куда следует?

– Я вот думаю, как поступить. Не поможете советом?

– А почему, собственно, вы спрашиваете у меня об этом?

– Вы учёный человек, знаете много.

– Простите, вас как по батюшке-то величать?

– Семён Рядов я.

– А по отчеству?

– Николаевич

– Тогда, Семён Николаевич, вам надо непременно уведомить о безобразиях начальство и впредь поступать благоразумно как подобает бдительному дисциплинированному рабочему. Пожалуйста, возьмите справку.

– Спасибо, доктор.

Рядов не спешил уходить, медлил, мял справку в руках.

– У вас ко мне ещё что-то, Семён Николаевич? В коридоре ожидают приёма другие пациенты, и я бы не хотел их задерживать.

– Нет. Я пошёл.

– Поправляйтесь!

Провокатор нехотя поднялся и засеменял к выходу. Затем резко повернулся, взглянул на меня, будто о чём-то вспомнил, махнул рукой, точно передумав говорить.

– До свидания, доктор – уже в дверях попрощался со мной Рядов.

– Всего вам наилучшего.

Зашла женщина и спросила:

– Можно, Фридрих Карлович.

– Да, проходите...

Я принимал пациентов до самого вечера. Но к девятнадцати часам посетители заканчивались из-за распоряжения коменданта города. Мирным гражданам разрешалось перемещаться по городу только до девятнадцати тридцати. У меня же было разрешение «круглосуточное». Провокатора Рядова я видел мельком ещё несколько раз. А потом слышал, что нашли его убитым в канаве. Поговаривали, будто партизаны приговорили того к смерти за предательство. Всё может быть, но мне казалось, именно жадность, ярко выраженная черта в характере этого человека, довела Рядова до могилы. Моя версия подтвердилась позже. Оказалось, он не поделил очередное конфискованное добро между своими «товарищами», и те отправили его в мир иной.

Проверки же со стороны гестапо продолжались. Приходили другие люди, с другими лицами. Неизменным оставался только их мотив – выгода. Эти «коммерсанты совести» получали достойную награду за свой труд. И лезли «из кожи вон», чтобы выслужиться перед своими хозяевами. Поэтому бдительность не терял.

Однажды по улице вели колонну пленных красноармейцев. Больно было смотреть на них: многие босые, в рваных гимнастёрках, некоторые раненые, поддерживаемые рядом идущими. Шли они медленно, тяжело. Прохожие останавливались и с глубоким состраданием наблюдали это шествие. Я уже был наслышан о создании концентрационного лагеря на окраине города, куда по-видимому и вели несчастных. Бывшие военные склады переориентировали под содержание заключённых. От того места веяло ледяным холодом и смертью.

Всматриваясь в лица обречённых, мне вдруг показалось, что мелькнуло знакомое лицо. Я напрягся и пошёл вслед за колонной, стараясь понять, не ошибся ли. Пристально оглядывая пленных, я заметил одного человека, бредущего с опущенной вниз головой. Он ничем не отличался от всех остальных: болезненная фигура, уставший взгляд, грязная изорванная одежда. Теперь сомнений быть не может. Я узнал его. Этот человек приходил ко мне совсем недавно, где-то с неделю назад. Меня тогда поразили его природная худоба и кажущаяся на первый взгляд внешняя немощ, физическое бессилие. Но всё оказалось обманом. Осмотр показал, что за такой «ширмой» скрывался выносливый и крепкий организм, с хорошо развитой мускулатурой. Мне понадобилось время, чтобы понять кто мой посетитель. Актёром он был отменным. Только сердце не может обманывать. В итоге, очередной провокатор ушёл от меня ни с чем.

Солдат из конвоя преградил мне дорогу, запретив идти дальше. Я видел уже спину удаляющегося агента гестапо. Он уходил от меня всё дальше и дальше. Туда, где бездушная машина нацизма отнимала жизни. И этот человек даже в том аду продолжал «работать», выскивая комиссаров, офицеров и «неблагонадёжных» из числа пленных. Значит там, в концлагере, борьба сильных духом людей, не смирившихся со своим положением, сохранивших достоинство, продолжалась. И палачи не могли её игнорировать, боялись. В заведённом изуверами беспощадном порядке за колючей проволокой не тлело, а горело пламя сопротивления злой воле. Потому то и понадобились все эти агенты, чтобы они изнутри, как «свои», втираясь в доверие, помогали гасить огонь надежды.

Из-за них недоверие выстраивало стену в отношениях между людьми, пробить которую могли лишь смелые, отчаянные. Я же сам и раньше, и потом продолжал общаться крайне осторожно со всеми собеседниками, в разговорах больше отмалчиваясь, особенно в малознакомой компании. Мой опыт и интуиция подсказывали мне с кем можно говорить на чистоту, а с кем лучше воздержаться от откровенных высказываний.

Октябрь сорок первого... Этот месяц выдался довольно богатым на новые знакомства. Но в большинстве своём они носили деловой характер. А вот одна встреча, состоявшаяся в двадцатых числах, была «для сердца».

Однажды, поздним вечером перед самым уходом домой внезапно пошёл проливной, сильный, косой дождь с мощными порывами ветра. Я решил его переждать, представив, как стихия бушует на улицах, гонит людей по убежищам, а сам город превращается в грязное месиво со стремительно несущимися ручьями мутной воды. По стеклу, подоконнику свирепо забили капли, точно взяв за цель разбить окно, проникнуть внутрь и молодецки побуянить. Сплошная стена омывала город, деревья гнулись, шумели, но стояли. Хотя, наверняка, уже где-то они были выворочены с корнем природным безудержным напором.

Я сидел в мягком удобном кресле, прислушиваясь к звукам снаружи, спокойно ожидая окончания осеннего ливня, который всегда предпочитал пройтись широко, с «оркестром», как молодой удалец, силушкой своей неумёмной потешиться. Что же, гуляй вволю, кто сможет запретить тебе шуметь, когда ты в своём праве.

Я подумал о своей жене Юле, что ждала меня к ужину. Она, конечно, привыкла к моим частым задержкам и относилась к ним с пониманием. Сейчас волнуется, наверное, воображая меня бредущим под дождём промокшим, замерзшим. Как бы хотелось успокоить, утешить её, дать весточку – всё благополучно.

Тут в дверь постучали аккуратно, вежливо. Посещение было так неожиданно, точно выстрел, прозвучавший в полной тишине. Бывали, конечно, много раз подобные визиты, но почему-то именно этот застал меня врасплох.

– Да-да, заходите – пригласил я того, кто стоял за дверью.

В кабинет вошёл громадного роста человек с окладистой густой бородой, крепкий, здоровый, сильный. Он заговорил мягким приятным хорошо поставленным голосом.

– Добрый вечер, Фридрих Карлович! Если позволите, у меня к вам одно деликатное дело.

– Здравствуйте! Вы проходите, не стойте около двери, садитесь, – я встал навстречу незнакомцу, – Ничего, что принесли воды, лужу можно убрать, – меня очень заинтересовал мой посетитель, который почувствовал себя неловко, придя мокрым, с грязными сапогами, в чистый кабинет.

– Проходите – повторил я своё предложение – в такую погоду сухим ко мне вы никак не могли попасть. Не откажите, выпейте горячего чая. Вам следует согреться. А о деле потом расскажите.

– Нет, спасибо, я, собственно, ненадолго.

– Как врач, настоятельно рекомендую – и чтобы больше не было возражений, я принялся готовить.

– Меня зовут отец Сергей – продолжил мой собеседник, аккуратно усевшись на стул, словно боясь, что тот не выдержит вес «седока». Стул, действительно, жалобно проскрипел под грузным телом и затих.

– Очень приятно! Целебный напиток почти готов. Незадолго перед вашим визитом, видите ли, успел побаловаться им, так что приготовить его вновь мне не составит большого труда. Вот, возьмите – и протянул священнику кружку душистого травянистого чая – мой собственный сбор, оцените!

Отец Сергей сделал несколько маленьких глотков. Этот человек мне положительно нравился. В его неторопливых действиях чувствовалась сила духа, уверенность, нестигаемость.

– Я оживаю – он улыбнулся и расправил могучие плечи.

– Вот и славно, даже вашему богатырскому здоровью нужна профилактика. А теперь, извольте, слушаю вас внимательно.

– Дело в том, что, понимаете..., я давно к вам присматриваюсь и вот решил наконец обратиться. Не могли бы вы посодействовать и поддержать моё прошение по открытию православного храма, закрытого в двадцатые годы. Простым людям очень нужно место, где бы они почувствовали единение и защиту Отца Нашего Небесного в такое сложное время, время испытания нашей веры и любви к ближнему.

– Отец Сергей, право, необычная просьба. Мне всегда думалось, что новая власть не чинит препятствий в этом вопросе. По крайней мере, как я могу судить, их открывают в других городах даже преднамеренно.

– Всё так, Фридрих Карлович. Но здесь есть одна заминка, я уже обращался к бургомистру, и получил от него отрицательный ответ. Вы же пользуетесь уважением у немцев, поэтому решил, что вам они не откажут. Бургомистр же, наверно, посчитал меня личностью подозрительной – и отец Сергей улыбнулся – ему везде мерещатся партизаны, заговоры и диверсии.

Теперь и мой пришёл черёд улыбнуться. Я представил картину прошения, когда маленький тщедушный глава управы принимал такого исполина, русского богатыря, радеющего за сынов земли родной. Откровенно говоря, ничего особенного в подобном положении не было. Местная власть делала очень мало из того, к чему следовало бы приложить значительно больше усилий, а так всё напоминало «пыль в глаза».

– Хорошо, отец Сергей, я постараюсь вам помочь.

Я всё больше проникался симпатией к священнику. В нём присутствовала так редко встречающаяся сейчас детская чистота. Глаза же у него были необыкновенно спокойные, голубые, взгляд открытый и бесхитростный. Вся его фигура олицетворяла правду, надёжность, истинного защитника.

– Спасибо, Фридрих Карлович. Меня можно найти вот по этому адресу – и он передал листок бумаги с написанным на нём красивым ровным почерком улицы и номером дома – заходите в любое время суток, буду вас ждать. Спасибо вам ещё раз, и помощи вам Господь! Да, а чай, действительно, вкусный! До свидания!

– До свидания, отец Сергей. Всё, что будет в моих силах, постараюсь сделать.

Мой гость ушёл. Я ещё немного посидел, подумал, каким образом лучше решить вопрос и засобирался домой.

... Через неделю отец Сергей провёл первую службу. Как ни странно, но церковь была заполнена. И хоть главными прихожанами были пожилые люди, присутствовали здесь и горожане среднего возраста, попадались и молодые. В полумраке верующие словно сливались в одно целое, в один живой организм с единой мыслью, чувствами, надеждами, в сердце своём искренне желая не только «пронесения собственной беды», но и избавления от нового иноземного «ига» для всех. Нечто великое в такие торжественные минуты посещало это место, сходило, давало покой и утешение. После службы отца Сергея люди уносили с собой частичку его твердости, веру и надежду. Надежду как маяк, освещающий на многие мили беспросветную тьму.

Когда выдавались свободные часы, я заходил к отцу Сергию. И всегда заставал этого человека за работой. Возле него постоянно толклись люди, желающие получить ответы на важные для них вопросы. Священник каждому обстоятельно, терпеливо объяснял суть бытия и где брать силы на преодоление испытаний. Завидев меня, махал рукой, давая понять, что скоро освободится. Среди прихожан, выделяясь ростом, будучи выше всех на голову, он напоминал отца, выслушивающего родных детей.

Наша дружба крепла. Отец Сергей часто делал ответный визит, заходил к нам в гости, рассказывая истории из своей жизни. Он был родом из крестьянской семьи, с детства знал, что такое тяжёлый труд. В семье выделялся открытостью, незлобивостью характера и непостижимым для всех окружающих человеколюбием, выступая всегда на стороне слабого, не задумываясь

мываясь о последствиях для себя. Обладая большой физической силой, а также умением всех мирить, природённым тактом, он снискал в округе славу честного малого, не по годам разумного, к которому шли разрешать споры, надеясь на него, как на справедливый суд. Это и предопределило жизненный путь Авдеева Степана, как звали в миру отца Сергея. В двадцатые годы, известные походом советской власти против церкви, он снова вернулся к крестьянскому труду.

Излюбленной темой отца Сергея в нашей компании была вера. Мягким, но твёрдым голосом, он рассказывал правдивые истории, свидетелем которых становился сам. Мне очень импонировала его черта «истинности», говорить только о том, что пройдено опытным путём, что называется «на собственной шкуре». А она, поверьте, с лихвой испытала и гонения, и травлю, и бытовые неурядицы, отчего дух отца Сергея только закалился, окреп, возмужал. А сердце научилось принимать в себя людское горе, печали, перерабатывать всё и мощно светить, отдавая обратно страждущим душевное тепло, жизнь. Это был поистине замечательный человек.

Помню, как-то раз случайно мы повстречались на улице. Отец Сергей шёл размашистым шагом и, завидя меня, улыбнулся, помахал рукой и направился в мою сторону.

– Здравствуйте, Фридрих Карлович, очень рад, что наши пути пересеклись – мы сердечно обнялись.

– Добрый день, отец Сергей. Всё спешите?

– Да, дела мирские, заботы... Как Юлия Сергеевна поживает? Хочу к вам зайти, да никак не получается. А тут такая удача! Вы очень заняты?

– У меня найдётся время. А Юлия Сергеевна жива-здоровая.

– Слава Богу! Видите ли, Фридрих Карлович, тут недалеко, совсем рядом, через четыре дома, живёт женщина, попросила меня зайти. Не составите компанию? У неё заболел тяжело сын, так она хочет, чтобы он покаялся. А вы бы на него посмотрели, как врач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.